

В декабре 2019 года в Москве впервые вручали литературную премию «Дальний Восток», носящую имя путешественника, ученого, писателя Владимира Арсеньева.

Премия заявлена как общероссийская, жюри возглавил столичный писатель (но, заметим в скобках, сибирский депутат) Сергей Шаргунов. Дальневосточники составили в жюри достойное — директор Приморского музея имени Арсеньева Виктор Шалай и глава издательства «Рубеж» Александр Колесов, — но все же меньшинство.

У иных моих земляков-дальневосточников возникли претензии и к решениям слишком «столичного» жюри, и к тому, что премия вручалась в Москве. Но во всяком другом случае она рисковала родиться провинциальной в плохом смысле слова (провинциальность бывает разная; одну надо выдавливать по капле, другую — беречь и культивировать). Этого, к счастью, не случилось.

Прописка претендента роли не играла — лишь бы его произведение имело отношение к Дальнему Востоку. Это тоже правильно.

В номинации «Крупная проза» победил Андрей Геласимов — столичный писатель с мощным зауральским анамнезом (родился в Иркутске, учился в Якутске) — и его роман «Роза ветров» о подвиге Геннадия Невельского. Последний в 1849 году открыл, что устье Амура — судоходно, а Сахалин — остров, что стало предпосылкой для скорого занятия Россией Приамурья и Приморья. В «Малой прозе» победил житель Якутска, хирург по профессии Анатолий Слепцов с рассказами «Честные люди» и «Быков мыс». Лауреат в «Детской прозе» — жительница Санкт-Петербурга Анастасия Строкина с книгой «Нит плывет на Север». Каждый из лауреатов получил по полмиллиона рублей.

Шорт-листы бывают репрезентативнее списка лауреатов, так что назовем некоторых финалистов (упомануть всех, пусть они нас простят, нет возможности).

Помимо романа Геласимова, в короткий список попала еще одна книга, уже успевшая хорошо прозвучать, — антиутопия «Остров Сахалин» известного фантаста, детского писателя Эдуарда Вернина.

Из менее раскрученных на общероссийском уровне финалистов отметим Олега Сидорова — публициста из Якутска, автора ЖЗЛ-биографий якутского революционера Максима Аммосова и филолога, этнографа, писателя Платона Ойунского.

Обратил на себя внимание рассказ уральца Андрея Томилова «Лунса и мотор» о старике удэгейце, да и весь таежно-охотничий цикл «Пленники тайги».

Сразу двое приамурцев (Алексей Вороннов с романом «Албазинец» и Нина Дьянова с пьесой «Горький хлеб Албазина») обратились к одной теме — потере Россией в XVII веке Албазинского острога, из-за чего русским пришлось на полтора века оставить Амур и двигаться на восток по «северам» — через Якутск к Аляске. Тема отнюдь не местного значения, просится даже кино... Но, кажется, это сегодня нереально: Россия с Китаем дружит и взаимные старые раны бередить не хочет.

Житель Владивостока, в прошлом офицер-подводник Юрий Крутских выпустил роман «Намрань» об одноименной военно-морской базе СССР-РФ, действовавшей во Вьетнаме в 1979–2002 годах.

Исследование хабаровчанина Александра Леонкина «Город Бонивур» посвящено последнему советскому городу, заложенному на Амуре в 1986 году и вскоре abortированному. Кстати, столичный «Пятый Рим», издавший эту книгу, выпустил уже целую историческую серию на дальневосточные темы. Тут и мемуарный сборник «Усмирение Китая» о том, как Россия в 1900 году в составе международного альянса подавляла «бонсерское» восстание и штурмовала Пенин, и еще один сборник «Гражданская война в Якутии», и «Гвардии Намчатка» историка Николая Манвелова о том, как гарнизон адмирала Василия Завойно в 1854 году, в ходе Крымской войны, отбил нападение англо-французской эскадры на Петропавловский порт, сколь бы сюрреалистично все это сегодня ни звучало.

...То, что двое из троих лауреатов живут в столицах, не удивляет. В высшей лиге за наш депрессивный и малолюдный регион чаще всего играют именно легионеры из центра страны, начиная с гончаровского «Фрегата «Паллады» и чеховского «Острова Сахалина».

Традиция, возникшая в царские времена, продолжилась в революционные (Владивосток, куда поэты и артисты бежали от Гражданской войны, ненадолго стал столицей русского футуризма) и советские. В 1930-х Дальний Восток — стройка и передовая — испытывал настоящее паломничество кинематографистов и литераторов: прозаики и поэты Пришвин, Гайдар, Фраерман, Симонов, Диновский, Сельвинский, двое Некрасовых — Виктор и Андрей (так что у напитана Врунгеля — тихоокеанский бэкграунд), Долматовский, Назаневич, режиссеры Васильевы, Герасимов, Довженко... Если первое десятилетие XX века, отмеченное русско-японской войной, родило вальсы «На сопках Маньчжурии» и «Амурские волны», то четвертое, прошедшее под знаком противостояния уже Советского Союза с той же Японией, — «Натюшу» и «Трех танкистов».

Была и другая волна, несшая литераторов на восток, — подновившая, до поры потаенная. Вернувшиеся — Шаламов, Заболоцкий, Домбровский, Жигулин... — продолжили традицию русской тюремной литературы.

В отличие от Владимира Нарбута, погибшего на Нольме, и Осипа Мандельштама, умершего в пересыльном лагере Владивостока.

Следующий писательский «призыв» был (условно) романтически-шестидесятилетним — в широком диапазоне от геолога Олега Нуваева, отпривившегося исследовать Чукотку геофизическими методами и переключившегося на исследование человека методами литературными, до баталиста Александра Проханова, первой горячей точкой которого стал в 1969 году лед Уссури у острова Даманский, и Юлиана Семенова, нашедшего прообраз Владимирова-Исаева-Штирлица именно на Дальнем Востоке (менее известно, что забугорный «двойник» последнего, флеминговский Джеймс Бонд, тоже бывал во Владивостоке).

В новое время эстафету приняли Александр Кузнецов-Тулянин (роман «Язычник» о нурильских рыбаках), Евгений Гришновец («Нан я съел собаку» о флотской учебке на острове Русском), Михаил Тарковский («Тойота-Креста» о праворульных машинах, но на самом деле не о них), Винтор Ремизов («Воля вольная» об охотских браконьерах), Леонид Юзефович (документальный роман «Зимняя дорога» о янгутском походе генерала Пепеляева 1923 года), тот же Андрей Геласимов, Александр Нуланов (биограф создателя самбо Василия Ощепкова, отца советской шпионской книги Романа Нима и разведчина Рихарда Зорге, каждый из которых был связан и с Дальним Востоком, и со спецслужбами, на чем в разной степени погорел), Алексей Норовашко (биограф арсеньевского проводника Дерсу Узала и Олега Нуваева), Алексей Вионоуров (роман «Люди Черного дракона», аттестуемый как «амурские сказки», в 2018 году вышел в финал «Большой книги»), Андрей Рубанов, который, едва попав в Приморье, взялся за «Штормовое предупреждение», Евгений Попов, спродюсировавший сборник рассказов «Поезд идет на восток», авторами которого стали его студенты — слушатели Высших литературных курсов (составитель — Мансим Шиналев)... Почти все названные авторы, подчеркну, живут в центре страны, а иные даже за границей, как прозаик из Швейцарии Элеонора Фрай — автор романа «По дороге в Охотск». Так что «поворот на восток», похоже, происходит не только в кремлевской политике. Не удивлюсь, если со временем до Тихого океана доберется Алексей Иванов, уже пробившийся с Урала в Сибирь.

Литературные Урал и Сибирь, если уж мы их упомянули, явно плодотворнее Дальнего Востока, что объяснимо: история русского освоения этих земель глубже, людей там живет больше, обуславливая неизбежность перехода количества в качество. Сибиряки Распутин, Астафьев, Шукшин, Вампилов не были талантами местного значения (правда, тот же Шукшин реализовался все-таки в Москве).

Доныне едва ли не единственным бесспорным литературным «гением места» нелокального масштаба, реализовавшимся именно на Дальнем Востоке, а не в столицах, остается самородок Арсеньев — пехотный офицер из Петербурга, в 1900 году переведенный в Приморье.

(Это не значит, что других не было — конечно, были, чего стоит хотя бы литературная династия, основанная Николаем Матвеевым-Амурским и включающая Венедикта Марта, Ивана Елагина, Новеллу Матвееву; и все-таки.)

Рядом с Арсеньевым хочется назвать партизана, ученика Владивостокского коммерческого училища Александра Фадеева, но как писатель он состоялся опять же в столице, хотя продолжал арсеньевскую линию и всю жизнь использовал приморский материал (вплоть до — скажу

Хорошие издательства на Дальнем Востоке, как ни странно, имеются. Но до относительно широкого читателя (сосредоточенного в Москве, Петербурге, нескольких миллионниках) их книги доходят плохо, с помехами, как SOS в шторм.

неочевидную вещь, но могу обосновать, — «Молодой гвардии» о подпольщиках Донбасса).

Несложно назвать целый ряд очень достойных авторов, работавших на Дальнем Востоке в позднесоветское время, но, к сожалению, известных за пределами региона слабее, чем они того заслуживают: покойные Иван Басаргин, Александр Плетнев, Станислав Балабин, Владимир Илюшин, Геннадий Машкин, Анатолий Нлещенко, Юрий Вознюк, Николай Рыжих, здравствующие Владислав Лецин, Радмир Норенев, Анатолий Буйлов, Владимир Санги...

Реалии нашей центростремительной страны: чтобы тебя заметили, издаваться нужно в Москве или Петербурге.

Говоря о тех, кого сегодня хорошо знают за пределами Дальнего Востока, назову прозаика и художника Лору Белоиван, живущую в приморской Тавричанке, где она создала реабилитационный центр для тюленей. Книги Белоиван издавались в Москве и Петербурге («Чемоданный роман», «Нарбид и амброзия», «Южнорусское Овчарово»), выходили в финал «НОСа», Довлатовской премии, «Новых горизонтов». Замечательный прозаик из Владивостока Евгений Мамонтов (ныне живет в Красноярске, в сентябре прошлого года его рассказы вышли в «Новом мире») в 2015 году попал в финал премии «Ясная Поляна».

Хорошие издательства на Дальнем Востоке, как ни странно, имеются. Но до относительно широкого читателя (сосредоточенного в Москве, Петербурге, нескольких миллионниках) их книги доходят плохо, с помехами, как SOS в шторм. С удовольствием назову владивостокский «Рубеж» Александра Колесова, магаданский «Охотниц» Павла Жданова, камчатскую «Новую книгу», которой руководит Александр Смышляев, якутский «Бичин»... Последнему, как мне рассказывали, помогают власти Якутии, но это скорее исключение. Чаще всего главное слово, определяющее жизнедеятельность зауральских издателей, — не «бизнес», а «энтузиазм»; рынок ограничен, логистика сложна и так далее.

С другой стороны, поддержка властей (как и «невидимая рука рынка») — штука о двух концах. Не потому ли вышедшие при помощи какого-нибудь чиновника или бизнесмена книги часто оказываются в лучшем случае альбомами о красотах природы, а в других случаях — «датскими» изданиями о юбилеях предприятий либо откровенной графоманией?

Из сравнительно недавних изданий «Рубежа» отмечу «Плавание «Баррануды» Джона Тронсона (записки британского моряка, в 1850-х посетившего берега, где через несколько лет появится Владивосток;

англичане и французы составляли карты этих мест, давали мысам и бухтам свои названия — история могла пойти совсем по другому пути...), первый том «Антологии литературы Дальнего Востока», двухтомник «Шествие с Востока» критика Алесандра Лобычева, книгу забытого сатирика начала XX века Федора Чуданова — «амурского Саши Черного», стихи Геннадия Лысенко, эссеистину Ильи Фалинова... На особом счету — двухтомник стихов и прозы Арсения Несмелова, серии «Восточная ветвь», где вышла проза дальневосточных эмигрантов первой волны Михаила Щербанова, Бориса Юльского, Альфреда Хейдона, и «Архипелаг ДВ», представляющая писателей второй половины XX и начала XXI века: Басаргин, Илюшин, Владимир Семенчин, Борис Назанов... Пожалуй, самая ожидаемая новинка — четвертый том первого полного собрания сочинений Арсеньева (а самое, на мой взгляд, интересное — письма и дневники Владимира Флавиновича, многие из которых не печатались и не расшифровывались, — запланировано на пятый и шестой тома; ждем).

«Охотник» издал трехтомник Альберта Мифтахутдинова (1937–1991) — первое собрание магаданского прозаика, когда-то широко печатавшегося в Москве и за рубежом, а позже полузабытого, как, кстати, и главный певец Чунотки Юрий Рытхэу, который в 1990-х и нулевых много писал, но его книг наш читатель не видел (зарубежный — видел). Здесь же, просто по ассоциации, хочется назвать The Siberians Фарли Моуэта — отличную книгу канадского биолога и прозаика, приятеля Рытхэу и Мифтахутдинова, о поездках в СССР 1960-х — от Москвы до Магадана. В Союзе Моуэта издавали много («Не кричи: волки!», «Нит на заклание», «Люди оленьего края...»), но «Сибирянов» не перевели — возможно, из-за ироничности автора, при всех его симпатиях к русским; а потом стало не до Моуэта — надеюсь, не навсегда. Упомяну также «охотничью» серию геологических, дальстроевских мемуаров (хорошо бы нам взяться и за морские), документальный роман Рудольфа Седова «Золото Розенфельда», детскую книгу «Волшебная Нольма» московского писателя Андрея Усачева, фотоальбом Павла Жданова «Исчезающее прошлое», запечатлевший руины нолымских лагерей в их сегодняшнем состоянии...

Вспомнить всех и все, повторю, нет возможности.

Остались кое-где на Дальнем Востоке и литературные журналы, но в условиях, когда рушатся даже столичные «толстяки», состояние здоровья этих последних мамонтов примерно понятно. Даже леопардам проще: их-то в Приморье берегут и буквально заставляют размножаться.

Интернет, хотя и несколько нивелировал различия между столицей и провинциями, вовсе не решил всех проблем. Напротив — создал новые: избыток информации, как оказалось, — не меньшая проблема, чем ее дефицит.

В условиях технологической революции и доступности полиграфических мощностей расцвел новый самиздат, назвавшийся раньше приметой сугубо «тоталитарного» времени. Результат чаще всего предсказуемо слаб, но нет правил без исключений в спектре от прозы и мемуаров до публицистики и краеведения. Правда, читателю из другого города эти книги чаще всего недоступны — в отличие от изданий, которые выходят под серьезными брендами и поступают в книжные сети хотя бы крупных городов.

В последние годы дальневосточное поле стали возделывать самые разные авторы, но целые пласты целины остаются неподнятыми; по-прежнему — избыток материала при нехватке летописцев. Взять хоть сопри-

носнение востока России с Азией или же исторические сюжеты — от «незнаменитых войн» (например, чукотских и камчатских, к которым примеривался еще Пушкин) до великого русского переселения на восток конца XIX века. Либо, если прыгнуть на век вперед, — 1990-е годы на Дальнем: они, на мой взгляд, пока лучше всего отражены в текстах нехудожественной природы — труде автомеханика Сергея Норниенно «Ремонт японского автомобиля» и учебнике профессора-юриста Виталия Номоконова «Организованная преступность Дальнего Востока». Хочется, чтобы до широкого читателя дошел отличный дебютный роман Игоря Кротова «Чилимá» — именно о Владивостоке 1990-х.

Надеемся на появление новых хороших книг как столичных «очарованных странников», так и провинциалов (по месту жительства и темам), которых бы при этом не считали «провинциальными авторами». «Основные издательства и журналы, главные литературные премии... по-прежнему сосредоточены в Москве... Но вот переселяться начинающему литератору в столицу теперь необязательно», — пишет в «Российской газете» прозаик Роман Сенчин — сибиряк, состоявшийся в Москве и живущий ныне на Урале.

Открытие и освоение Дальнего Востока продолжаются. Газопроводов, портов, погранзастав мало. Литературное освоение, прописка территорий в пространстве культуры, включая продолжение «дальневосточного текста» отечественной словесности, — это, не побоюсь пафоса, задача государственная, имеющая прямое отношение к конституционному понятию территориальной целостности. Именно культура позволяет большой стране, разделенной расстояниями, тарифами и судьбами, ощутить себя единой. Здесь очень важны среда, институты: издательства, библиотеки, журналы, магазины, фестивали, премии (включая новорожденную Арсеньевскую, которая должна жить), писательские резиденции... Если малек симы не выйдет на океанский простор — он не вырастет в полноценного красивого лосося, оставшись на всю жизнь симпатичной, но мелкой речной пеструшкой.

